

семей, чтобы быть способными къ защитѣ земли, чтобы быть—«конны и оружны», какъ говорилось въ старину *). Освобожденіе, связанное съ призывомъ всѣхъ къ защитѣ отечества, съ призывомъ къ службѣ для этой защиты,—въ особенности если-бы со всеобщей обязательной службой было соединено и всеобщее обязательное образованіе, какъ необходимое условіе *службы плодотворной*,—такое освобожденіе, даже не успѣвъ проявить всей силы своей, дало-бы благовидный предлогъ лицемернымъ друзьямъ свободы (которые тотчасъ по заключеніи съ нами мира поспѣшили на защиту рабства въ Америкѣ) къ заключенію мира, къ почетному отступленію, и они сами поспѣшили бы воспользоваться этимъ предлогомъ безъ всякаго обращенія къ нимъ съ просьбою о мирѣ. Поспѣшное же заключеніе мира послѣ взятія Севастополя было ошибкою не политическою только, но и бытовою. Торжество Запада выразилось не въ низведеніи лишь Россіи съ той высоты, на которой она стояла до войны въ политическомъ отношеніи, но и въ возстаніи молодого противъ стараго, сыновъ противъ отцовъ, т. е. въ крайнемъ нравственномъ упадкѣ, которымъ даже кичились, признавая въ немъ оживленіе, хотя это оживленіе было лишь мнимымъ послѣ дѣйствительнаго застоя... Этотъ переворотъ и былъ констатированъ, хотя и очень слабо, Тургеневымъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ.“ и конституція была бы только узаконеніемъ, воплощеніемъ вражды сыновъ къ отцамъ, каковою она, конституція, и является на Западѣ, гдѣ даже на самой вершинѣ общества сынъ стоялъ обыкновенно во главѣ оппозиціи. Приверженцы самодержавія суть приверженцы вмѣстѣ съ тѣмъ мира и долга, а конституціоналисты—любители права и вражды, ибо право безъ вражды не живетъ.“ „Если бы не было допущено въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ вышеозначенной ошибки, то чрезъ призывъ ко всеобщей обязательной повинности еще въ 1855 году были-бы освобождены и крестьяне; т. е. одновременно были-бы совершены двѣ реформы, которыхъ и отдѣлять одну отъ другой было не должно,—освобожденіе крестьянъ и введеніе всеобще—обязательной воинской повинности; такимъ образомъ, было бы совершено и возвращеніе къ старинѣ, къ тому времени, когда и дворянство было служилымъ сословіемъ: Справедливость требуетъ однако замѣтить, что возможность призыва къ службѣ всѣхъ во время вступленія на престолъ Царя—Освободителя облегчалась тѣмъ, что не народъ только требовалъ тогда службы, но и интеллигенція; все лучшее и особенно молодое въ ней, требуя, по недоразумѣнію, *свободы*, въ сущности желало именно дѣла, службы и даже, можно сказать, *и*; вслѣдствіе чего и дѣлались орудіемъ тѣхъ, которые указывали дѣло, ведущее будто бы къ свободѣ. Благодаря такому настроенію интеллигентной учащейся молодежи и образовалось въ шестидесятыхъ годахъ множество различныхъ обществъ, кружковъ, въ которыхъ была строгая дисциплина, подчиненность, не допускавшая никакихъ разсужденій. Требовалось, слѣдовательно, не освобожденіе для того, чтобы было легче дышать,—какъ это нѣкоторые лицемерно или по недомыслию говорили тогда,—дышать становилось невозможно имен-

*) Крѣпостныхъ не приводили къ присягѣ Государю и Отечеству; за нихъ присягали ихъ помѣщики.